

Диалог из прошлого...

2 марта 2014 года ушел от нас народный поэт Беларуси, эссеист, переводчик Рыгор Бородулин... Поэзию Бородулина отличали благородная простота и гуманистическая направленность, близость к народному творчеству и одновременно нарочитое подчеркивание художественных возможностей белорусского литературного языка, выраженное в виртуозном использовании стихотворного ритма. «Заспаная раница мжыстая», полет мотылька и забавный дед со своими устаревшими «калаўротамі», «Ушацкі прызімак», родная Каменская улица – все это «зямя бацькоў», которую он воспевал в стихах. Характерной особенностью поэтического мышления поэта было острое и всегда глубоко личностное философское переживание жизни как бесконечного потока. Именно оттуда он черпал самые откровенные чувства, эмоции, раздумья...

Это интервью с Рыгором Бородулиным было напечатано 23 июня 2001 года в газете «7 дней» в рубрике «Откровения». Сегодня, читая его, как теперь кажется, исповедальные строки, невольно замечаю, что поэт всегда чувствует себя в этом мире изгоем, лишним. Но даже в своих заблуждениях, в рассуждениях о мироустройстве и в своем презрении к законам, движущим бытие, он остается не менее интересным и удивительным для своих современников, а возможно, и для потомков...

Елена Еловик, журналист газеты «7 дней»

– Ваш коллега Леонид Дранько-Майсюк написал о недавнем прошлом так: «Воздух для легких был безопасный... Молодой Бородулин мог самозабвенно воскликнуть: «Какая радость у меня, когда домой я возвращаюсь!» В наши 90-е так уже не воскликнешь». А что переменилось с тех пор? Исчезла страна или некое родство душ?

– Об исчезновении советской империи ничуть не жалею. Она была сама по себе эфемерной, в противном случае ее не удалось бы развалить так быстро трем удальцам, которые выпили по сто грамм в Беловежской пуще и одним росчерком пера решили ее судьбу. Но Родина, к счастью, у меня осталась. Когда-то Шагал называл Париж своим вторым Витебском. Так и у меня: мой Париж – это родные Ушачи, родная белорусская сторона.

– Григорий Иванович, а Вы не лукавите, говоря о том, что Вам совсем не жаль Союза? Ведь с ним у Вас связано столько воспоминаний... Наверно, как миллионы ребят, и Вы когда-то с гордостью носили пионерский галстук...

– Знаете, когда говорят о прошлом, происходит подмена понятий. Одно дело – ностальгия по СССР, и совсем другое – ностальгия по молодости, родным и близким, которые ушли от нас. Ну а пионером, между прочим, я никогда не был. Удалось увернуться от этого. Мама мне говорила, что пионеры – безбожники, а я с детства был верующим человеком, всегда прислушивался к словам самого близкого мне человека.

– Наверно, неслучайно у Вас много стихов посвящено маме. Такое влияние в литературе на сына, насколько я помню, оказывала и мама Гете. Выходит, если бы у нас больше было таких мам – больше было бы и Гете, и Бородулиных...

– Убежден, что от мамы закладывается в нас все самое хорошее. Недаром же в Беларуси мы говорим «матчына мова»...

– В своем последнем сборнике «Босая звезда» Вы словно к небесам обращаете свои песни, у Вас почти в каждом стихотворении слова «Христос», «Господь»... Честно говоря, я подумала, что это покаяние за прежнее безверие.

– Нет, я всегда жил с верой в душе. Потому никак не мог понять наших первопрод-

цев-демократов, которые в один момент поменяли дубинки на свечки. Считаю себя униатом, хотя полагаю, что не столь важно, как называешься ты: православный, католик, мусульманин – ведь Бог един.

Пророков нет в отечестве моем?

– Раньше Вас иногда упрекали в эстетизме, подразумевая под ним нечто, лишённое нравственного содержания. По моему же разумению, все гораздо проще: есть поэзия и непоэзия. Впервые прочитав Ваше стихотворение «Матылёк», я открыла для себя большого белорусского поэта. «Лілею млявы плёс люляе, з-пад злежаных аблок здалёк ляціць віхлясты і бялявы пялёстак лёгкі – матылёк». Для кого-то подобные строки – это тоже эстетический изыск, а для меня – лучший образец импрессионизма в мировой поэзии. Кстати, а Вы сами считаете себя большим поэтом?

– Спасибо за столь высокую оценку. Однако честно скажу, что если – не дай бог – когда-либо начну считать себя большим поэтом, сразу же брошу писать. Никогда не смотрел на себя со стороны и вообще считаю, что каждый из нас – поэт. Человек рождается поэтом, для этого ему даны уши, глаза, язык...

– Накануне встречи с Вами я долго искала в книжных магазинах сборник Бородулина. Нашла с трудом. В магазинчике на окраине. В процессе поисков отметила про себя, что скромнее всего у нас в про-

даже представлены как раз белорусские авторы. Вы не чувствуете себя эмигрантом в своем отечестве?

– И в Советском Союзе, и сейчас любой национальный поэт чувствует себя эмигрантом. Вслед за Есениным могу повторить «В своей стране я, словно иностранец». Белорусская книга вымыта, вымывается и белорусский язык. Это огромная трагедия.

– Григорий Иванович, всесоюзная критика по отношению к национальной литературе нередко отличалась довольно холодной комплиментарностью. Была определенная иерархия имен, в том числе и в поэзии, переводы на русский язык тоже часто происходили по дружеским, случайным связям. Была большая литература (союзного масштаба) и малая – окраин, нацменьшинств и т.д. Создавалось впечатление скромного существования дарований в бывших республиках...

– Я когда-то писал: «Нет малых народов, есть малые поэты». Потому понятия «международный», «национальный» – весьма относительные. Тогдашний Союз писателей во многом представлял собой обычную контору по распределению орденов, званий, изданий и тиражей. Считалось обязательным засветиться в Москве, ибо именно последняя диктовала моду в литературе. Как-то встретил Максима Танка, который одобрительно отозвался о моих стихах, напечатанных в «Литературке». А ведь перед этим они были опубликованы в журнале «Польмя», в котором он числился тогда членом редколлегии. Неудивительно, ведь читали тогда, в основном, союзную прессу. Национальные издания лежали на полках мертвым грузом. А для того, чтобы тебя напечатали в союзном издании (издательстве), писатели везли в первопрестольную дары: из Средней Азии – баранов, вино, фрукты, из Беларуси – «Беловежскую», сало. Все это затем распределялось согласно ранжиру: председателю, заму, секретарю и... обязательно парторгу. Чтобы войти в большую литературу, надо было принадлежать к этому «славному» кругу лиц.

Бубенчиков полно – набата нет

– А вот, если не кривить душой, есть в белорусской литературе величины планетарного масштаба?

– Конечно! Купала, Богданович, Быков, Короткевич, Горецкий, Бядуля. Кстати, если бы последний писал на идиш или на иврите, был бы не меньше Шолом-Алейхема. Бядуля, к сожалению, не оценен по достоинству потомками, но это – тема отдельного обстоятельного разговора...

– **Евтушенко написал однажды: «В поэзии сегодня как-то рыхло, бубенчиков полно – набата нет». Вы видите среди молодого поколения пришедших в литературу будущих Блоков, Цветаевых?**

– Не хочу быть оракулом, называя чьи-то конкретные имена. Время покажет...

Писателей – что волос на голове

– **Недавно состоялся съезд Союза белорусских писателей. Стал ли он собранием преодолевших глухоту? Или опять проблемы взаимопонимания и творчества отеснены абстрактными монологами и борьбой личных амбиций?**

– По состоянию здоровья не смог присутствовать на съезде, да и особой необходимости не было, потому что заранее знал, кто и что там скажет. В Союзе сегодня – 500 человек. А разве может быть сразу столько единомышленников?

– **Удивляюсь, честно говоря, другому: а разве может быть так много писателей в нашей небольшой стране?**

– Любому европейцу достаточно пяти пальцев, чтобы перечислить своих писателей. У нас же не хватает не только пальцев, но и волос, чтобы их всех назвать. Потому я бы сказал так: все они являются членами Союза белорусских писателей, а высокое звание писателя еще нужно заслужить.

Ну а по поводу нашего творческого союза скажу следующее: я называю его в шутку песочницей. Когда умирает кто-либо из писателей, у Союза нет средств даже для того, чтобы похоронить своего подопечного. Покойнику не дают возможности полежать в здании, потому как оно не принадлежит Союзу. Не так давно умер хороший писатель – Владимир Машков. Пришли товарищи на похороны в Союз писателей, а там им говорят: церемония прощания не здесь, а дома.

Надо отдать должное прежнему Союзу писателей, который с точки зрения материальных благ мог предоставить многое своим членам: квартиры, лишние метры, дома

творчества, санатории... Писателю, между прочим, полагалась даже секретарша, и некоторые оформляли в этом качестве своих жен. Допускаю, что у крупного литератора, пишущего трилогии, романы, существует такая необходимость... А если человек за всю свою жизнь написал только сто пятьдесят строк? Зачем ему дополнительная услуга? Конечно, не только писатели, но и другие привилегированные граждане имели множество льгот, распространявшихся как на них самих, так и на родственников. Потому мне кажется большим преувеличением и фарисейством, когда некоторые заявляют теперь: мол, работалось, как в концлагере. На сей счет мне вспоминается анекдот. Освобожденная Одесса. Биндюжник расспрашивает друга о том, как раньше жилось. Тот рассказывает: «Работал на колбасном заводе. Жрать – во! Пить – во!» А потом, пугливо озираясь по сторонам, добавляет на случай слежки: «Но морально было тяжело-о-о!»

«Калаўроты» – неходовой товар

– **Никто не рассуждает о благодарном читателе, ибо он, родимый, уже давно сменил поэтические сборники на литературную макулатуру. Стихи сегодня – как «калаўроты» из Вашего одноименного стихотворения, которые совсем не пользуются спросом на базаре: «І стаяць, нібы сіроты, новенькія калаўроты. Позна, дзед, прывіз тавар».**

– Не стоит удивляться. Интерес к поэзии на протяжении веков никогда не был однообразным: наблюдались периоды спада, подъема.

– **То есть Вы хотите сказать, что наступит время, когда поэты, как в 60-е годы, будут собирать стадионы своих поклонников?**

– А разве есть в этом необходимость? Просто тогда писатели и поэты заняли идеологическую нишу взамен «упраздненных» священников. Стадион – элемент циркового искусства, хотя в античные времена все важнейшие события в искусстве происходили как раз-таки на стадионах. В истории события ходят по кругу...

Иду и думаю об императоре

– **Говорят, что настоящий художник не должен обращать внимания на злобу**

дня и созерцать лишь высшие материи. Но правильно ли это? Ведь гражданская лирика великих поэтов доказала свое право называться искусством.

– Извечный вопрос... Возьмем китайскую классическую поэзию. Там ведь сплошь и рядом «Иду и думаю об императоре». Но это только заглавие, а сами стихотворения – шедевры, удивительные по глубине мысли.

– Не только в китайской поэзии, но и у любимой мною Ахматовой читаю: «Где Сталин, там свобода, мир и величие земли». Не понимаю, поэты искренно заблуждаются или сознательно совершают «ошибки»?

– Иногда поэт действительно искренно заблуждается, иногда делает это в надежде на то, что власть тем самым его заметит, прислушается к его словам, позволит взамен сказать нечто большее. Вспомним великолепного поэта Максима Танка, у которого десятки стихов посвящены партии. Но в историю поэзии его партийные стихи вошли как незаметный автограф, а цитируем и вспоминаем совсем другие его строки.

Многое зависит еще от того, как написать. У одного из самых советских поэтов – Исаковского – между партийными славословиями прорывалось трагическое: «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе». И сегодня эти строки уже читаются по-другому. Поэт, сам того не желая, высказал то, что таилось в глубине души. Безыдейных поэтов не бывает, и разговоры о чистом искусстве – не что иное, как блеф.

«Я пил гениально»

– А Вы сами в этом смысле не грешны: неужто ни разу не написали стихотворения по поводу?

– Признаюсь: промелькнуло и у меня нечто в этом роде, но сильно этим не увлеклся.

– К Вам, наверно, часто приходят «левые», «правые», «вгорошек». Попросят подписать какую-либо петицию, заявление. Не хочется порой ответить: «Подите прочь – какое дело поэту мирному до вас?»

– К сожалению, у нас в стране тот, кто связан с белорусским словом, волей-неволей – политик, потому что в нынешней ситуации борьба за слово, язык – это уже сама политика.

– Поэты очень часто пишут о благородных чувствах и устремлениях, от которых готовы рыдать даже камни. А сами пииты в реальной жизни далеко не святоши: вино, кино, женщины...

– Творчество высвечивает, как на рентгене, любого художника. Да, к примеру, Есенин пил. Но в стихах мы видим чистую и светлую душу.

– Есенин сам себе поставил диагноз – «осыпает мозги алкоголь».

– Это не диагноз. Это поэт описал свое состояние. Но пьяным он никогда не садился писать стихи.

– Вы хотите сказать, что внешнее и есть только внешнее...

– Конечно. Нужно различать антураж и вещи глубинного характера. Я вспоминаю, как в свое время поэтическая тройца Корнилов, Васильев и Смеляков эпатировала публику. Они купили в магазине коровье вымя, каждый по очереди доставал из ширинки по соску и в таком виде шагал по улицам. Прохожие останавливались в оцепенении: «Молодой человек, что у вас?» Тогда чудак доставал садовый нож и одним движением отрезал «субъект эпатажа». Теперешние проделки, которыми некоторые кичатся, – бледные поганки по сравнению с тем, что когда-то вытворяли мои коллеги. Однако нужно, чтобы у тебя еще и за душой что-то было, а изобразить можно что угодно.

– Словом, хоть и утверждают, что поэты ниспосланы нам с небес, грешат они совсем как земные создания.

– Еще раз подчеркну: главное – не продать душу дьяволу. Я всегда этого боялся. Не знаю, удалось ли мне это... А в жизни было все. Я пил гениально. Хотя вот уже почти двадцать лет не беру в рот ни капли спиртного. Понял, что на трезвую голову любые чувства воспринимаются острее. Спокойно отношусь к таким понятиям, как смерть, забвение. И думаю о том, чтобы не пережить отмеренное Всевышним и успеть уйти в определенное им время.

– Григорий Иванович, в сборнике «Босая звезда» много стихов, напоминающих японскую хокку. А не могли бы сказать, какие строки Вы взяли бы эпиграфом к жизни поэта?

– А давайте откроем наугад. Вот видите, на чем остановились: «Пачынаецца дарога з парога. Якую ні выбірай – усе дарогі вядуць да Бога». ─